Текст · 18 мая 2026, 10:36
Никита Сологуб,

От войны не убежишь. Российские военные хотят пойти под суд, чтобы выбраться с передовой — но вместо СИЗО их отправляют обратно на фронт

Подписанный в сентябре 2022 года указ Путина №647 о «частичной» мобилизации оставил военным всего три причины для увольнения: достижение 65 лет, состояние здоровья или лишение свободы по приговору суда. Первый вариант объективно подходит немногим, добиться комиссования почти невозможно. Итого, на фоне растущих потерь и бесчеловечного отношения командиров все больше солдат приходят к мысли, что срок за дезертирство лучше, чем неизбежная гибель на передовой. Никита Сологуб рассказывает о парадоксальной юридической практике, которая сложилась в России на пятый год «СВО»: люди упрашивают следователей возбудить против них уголовное дело и нанимают адвокатов, чтобы отстоять свое законное право сесть в тюрьму — но даже это не всегда помогает.

37-летний младший лейтенант Антон Путятов с марта месяца живет в лагере в палатке с двухъярусными деревянными нарами. Лагерь находится в уральском городе Верхняя Пышма и известен как сборный пункт или изолятор для военнослужащих, подозреваемых в дезертирстве или самовольном оставлении части.

В семи «резиновых» палатках, говорит Путятов, содержится «тьма народа» — около 180 человек. Среди них есть раненые. Состав постоянно меняется. Новые люди появляются чуть ли не ежедневно, старых партиями по 80-90 человек отправляют обратно на фронт. За первый месяц в лагере Путятов насчитал три таких отправки.

«Местный главный, лейтенант военной полиции, через своих подчиненных передал мне, что жизни тут не будет — слово вякнешь, сломаем. Со всех сторон идет агрессия, так как знают, что я вспыльчивый человек. Но пока держусь, понимаю, что будет хуже. Условия тут близки к нулевым. Да, кормят, да, можно умыться, да, дают телефоны на пару часов по вечерам — но в ночное время даже в туалет не пускают, говорят — ссы хоть в карман, мы не пустим. Связано это с высоким процентом побегов с территории», — говорит он.

12 марта Путятов попал в лагерь во второй раз. В 2025 году он провел там почти полгода — с мая по октябрь. Все это время младший лейтенант добивается, чтобы его судили по статьям о дезертирстве[1] или самовольном оставлении части[2], потому что в тюрьме лучше, чем на передовой.

«У меня есть заявление об отказе от участия в СВО, я готов к суду и тюрьме, но мое гражданское право выбора нарушают и снова отправляют на фронт. И теперь я вновь тут», — рассуждает он.

Антон Путятов — далеко не единственный российский военный, кто изо всех сил борется за

место на скамье подсудимых. Но пока что попасть в СИЗО ему не помогли ни адвокат, ни публичные видеообращения, ни заявления в прокуратуру, ни письма Путину.

Антон Путятов. Фото: личный архив

Случай Антона Путятова. Как учитель стал солдатом, а потом дезертиром

До войны Путятов работал учителем английского языка в школе в Екатеринбурге. Как объясняет он теперь, в сентябре 2022 года ему стало понятно, что в стране со дня на день объявят мобилизацию. Путятов решил не ждать повестки и сам завербовался в 43-ю отдельную железнодорожную бригаду, где служил его старый товарищ.

«Риски оказаться в бою в дальнейшем были, причем много раз, но одно дело идти в неизвестность, а другое с подготовленными людьми и пониманием, что они точно не бросят», — говорит он.

Поначалу ему везло. В боях Путятов не участвовал: в Красном Лимане охранял технику для рытья траншей, в Сватово — занимался снабжением, в Луганске — строительством и охраной железной дороги. Он был на хорошем счету у командования и регулярно получал отпуска.

В один из таких отпусков его жена Евгения забеременела. Врачи прогнозировали тяжелые роды. В мае 2024 года Путятов получил звание младшего лейтенанта и подал рапорт на увольнение[3] — хотел посвятить себя семье. Но вместо увольнения его перевели в другую часть с постоянной дислокацией в Чебаркуле, в 300 километрах от Екатеринбурга. Евгении пришло время рожать, отпуск не давали, и лейтенант ушел в самоволку: на роды опоздал, но смог увидеть жену и новорожденного сына.

Через неделю, в июле 2024 года, Путятова отправили на фронт — в штурмовой отряд под Новогродовку на Покровском направлении. Штурм длился три месяца, потери российской стороны он описывает как «колоссальные», «неимоверно огромные».

В октябре Путятов получил осколочное ранение икроножной мышцы. После нескольких попыток фронтовые медики признали, что с такими травмами нужна операция в тыловом госпитале. Путятова долго не отпускали на лечение, он конфликтовал с командирами, но в итоге все же оказался в госпитале по месту прописки — в Югре. Когда осколки вытащили, ВВК присвоила Путятову категорию Г-30 (временно не годен, отпуск на 30 дней).

Он вернулся из отпуска на два дня раньше срока — по его словам, чтобы успеть морально подготовиться и за свой счет купить амуницию. Его снова перевели в другую часть, в 1435-й мотострелковый полк[4], дислоцированный в поселке Тоцкое-2 Оренбургской области. Отношение к личному составу там было хуже некуда, рассказывает Путятов.

«Давай карту, давай деньги, давай пин-код, сейчас получишь по башке, мы тебя сломаем, мы тебя обнулим. И так каждый день, почти каждую свободную минуту. Ко мне приставали и когда я в наряде стоял, и везде, никто с этим беспределом бороться не хотел», — вспоминает он.

20 января 2025 года Путятов просто вызвал такси и уехал в Самару[5]. С тех пор он числится СОЧ.

2 мая его задержали и отправили на сборный пункт в Верхней Пышме. Первое время Путятов пытался выслужиться — через старых знакомых договорился о «гуманитарной помощи», участвовал в розыске других дезертиров, «поддерживал порядок» в лагере. Зарекомендовав себя перед военной полицией, он добился разрешения навещать семью.

Ему даже обещали перевод в другую часть — 29-ю химбригаду в Екатеринбурге на должность командира взвода БПЛА — но в последний момент отказали. Тогда Путятов сам нашел военного следователя.

«Я заявил ему, что конкретно вот находясь в трезвом уме, абсолютно осознавая каждое слово и его последствия, отказываюсь от участия в специальной военной операции, готов к тюремному заключению. Он сказал — я тебя понял, будем работать», — вспоминает младший лейтенант. По его словам, следователь заверил, что возбудит уголовное дело по части 5 статьи 337 УК (самовольное оставление части в период мобилизации, от 5 до 10 лет лишения свободы).

Но вместо тюрьмы в октябре Путятова отправили в тот же 1435-й полк, из которого он сбежал — и более того, в ту же роту. Как утверждает беглец, сослуживцы сразу избили его, отобрали все вещи, включая носок новорожденного сына, который Путятов носил с собой как талисман, и пообещали, что, оказавшись на передовой, пристрелят его. Не дожидаясь, пока они исполнят свои угрозы, Путятов дезертировал, как только его отправили на первое боевое задание. Тогда же он записал видеообращение и попросил жену распространить его — ролик широко разошелся по украинскими и антимобилизационным телеграм-каналам.

«Я своим поступком, что я свалил в СОЧ, не горжусь — мне всю жизнь за это будет стыдно. Но я свой выбор сделал. Я готов к тюремному заключению в соответствии с действующим законодательством по решению суда. Назначит мне суд от 5 до 10 лет — буду сидеть. Даст мне право на УДО — я сделаю все, чтобы не посрамиться и воспользоваться этим шансом, чтобы вернуться к своей супруге, к своему ребенку. Но я отказываю возвращаться в полк, отказываюсь от своего звания», — говорил он.

Антон Путятов. Фото: личный архив

На незаконное, по его мнению, возвращение в часть Путятов пожаловался уже знакомому ему военному следователю. Следователь отвечал, что судьба младшего лейтенанта ему небезразлична, но

прояснить ситуацию советовал у командования той же части.

«Все, чего хочу — вернуться домой, пройти нужные процедуры и сесть в тюрьму! Я не хочу здесь находиться!» — писал Путятов. «Я не могу отдавать указание командующему войска округа о вашем переводе и так далее, поскольку не имею таких полномочий, лично приехать и забрать вас я тоже не могу. Понимаю сложившуюся ситуацию, я стараюсь оказать вам все возможное содействие», — отвечал[6] следователь.

Он советовал явиться в ближайший военно-следственный отдел, но Путятов уже понимал, что оттуда его сразу вернут на фронт. Минобороны и прокуратура в своих ответах прямо писали, что он должен вернуться в часть.

В марте 2026 года Путятова снова задержали и снова отправили в Верхнюю Пышму — чтобы помогать семье, он подрабатывал и иногда заглядывал домой. Это было неосторожно.

По его сведениям, второй эпизод квалифицировали по более тяжкой статье о дезертирстве[7], но расследовать его дело никто не спешит.

«Адвокаты у всех в этом лагере не справляются, хотя там серьезно подготовленные специалисты. Никакие отказы, отводы, заявления или статьи закона не помогают», — объясняет он.

«Все, кто говорит "да я лучше выберу отсидеть" — они не сидят»

Антон Путятов — далеко не единственный российский военный, который хочет, но не может попасть в тюрьму. Но даже примерное число людей, оказавшихся в подобной ситуации, назвать невозможно — появляющиеся в сети неофициальные «базы дезертиров» нельзя считать достоверными и полными. Имена из этих баз нередко появляются в списке погибших, который ведет «Медиазона» — логично предположить, что это дезертиры, которых вместо колонии отправили обратно на фронт.

Лагерь для дезертиров в Верхней Пышме упоминается не только в видеообращении Путятова. В августе 2025 года там оказался 45-летний уроженец Донецкой области Виталий Пьянковский. Он вместе с семьей переехал в Екатеринбург в 2023 году, и повестку, по его словам, не получал. Военная полиция задержала мужчину, когда он пошел за новым паспортом — по данным силовиков, Пьянковский «скрывался от мобилизации».

В Верхней Пышме он пробыл почти два месяца, за это время следственный отдел по Екатеринбургскому гарнизону вынес отказ в возбуждении дела о самовольном оставлении части. Пьянковского должны были отправить на фронт, но уже перед самой посадкой на самолет ему стало плохо, его успели отвезти в госпиталь и провести коронарное шунтирование[8]. Адвокат Пьянковского не захотел говорить с «Медиазоной» из-за того, что российские власти объявили издание «иностранным агентом».

Еще один военнослужащий попал в Верхнюю Пышму, когда после полутора лет на фронте ушел из части, столкнувшись с вымогательством нового командира. Он добрался до Екатеринбурга и тут же был задержан военной полицией, эту историю со слов матери солдата рассказал телеграм-канал «Подслушано Белгород».

Упоминания о других сборных пунктах для СОЧ то и дело мелькают в военных телеграм-каналах — судя по этим сообщениям, палаточные лагеря для беглецов существуют едва ли не в каждом регионе от аннексированного Крыма до Приморья.

Из-за неопределенного правового статуса военнослужащие могут оставаться в лагерях для СОЧ сколь угодно долго, их судьба зависит только от военных полицейских, следователя военно-следственного отдела и командира части. За время войны с Украиной такие лагеря прочно вошли в армейский обиход, говорит бывший дезертир Владимир Бернгардт. Сам он теперь живет в Ереване и руководит проектом «Твердый знак»-, который помогает другим российским солдатам, разочаровавшимся в «СВО».

В начале сентября 2025 года Бернгардта задержали за побег с фронта и доставили в комендатуру в Краснодаре. Он провел месяц в клетке на четвертом этаже здания. В той же клетке и соседней комнате держали других беглецов, с которыми Бернгардт за неимением иных развлечений охотно разговаривал.

«Пока я там сидел, каждый день кого-то приводили, а за другими приезжали представители части

и забирали. В среднем от дня до трех там находились, а я был там самый долгожитель. То есть это первичное место, в которое попадали дезертировавшие. Механизм там такой: ловят человека или он пришел и сдается сам. Вэпэшники[9] узнают за него и звонят в часть — говорят, вам такой нужен? Они например, говорят, не нужен. Тогда его спускают вниз, в палаточный сборный пункт, и он там находится до суда, где получает чаще всего условный срок и возвращается в свою часть, либо попадает в другую — но однозначно в штурма. Вариант второй — за человеком приезжают из части. Тогда его мнение вообще никого не интересует, его просто забирают и увозят», — вспоминает он.

Бернгардту запомнился молодой дезертир, который долго искал возможности позвонить жене на пятом месяце беременности, чтобы узнать пол ребенка. После этого звонка ему сообщили, что за ним приедут из части.

«Он все время, пока мы были там, говорил, я в штурма не поеду, я лучше отсижу, я из этой клетки не выйду. Но в итоге зашли два здоровых бугая- вэпэшника, он цепляется за клетку, а его просто отрывают от нее, закручивают руки и надевают наручники и в таком скрюченном состоянии везут на фронт. И таких историй масса. Ни у кого не спрашивают — хочешь ты, не хочешь. Все, кто говорит "да я лучше выберу отсидеть" — они не сидят», — объясняет Бернгардт.

Через месяц в клетке его самого перевели на сборный пункт СОЧ в Новороссийске. Это был палаточный лагерь на 30 человек с охраной. По словам Бернгардта, процедура возвращения на фронт там была несколько

иной: сперва офицеры уговаривали вновь прибывших самих написать рапорт.

«Мол, если пойдете на фронт добровольно, уголовное дело в отношении вас будет приостановлено, а потом, если вы выживете и получите госнаграду, то и прекращено, и у вас не будет судимости. Потом кроме местных командиров приезжали офицеры из сборного пункта для СОЧ при Южном военном округе, и они вот прям с каждым отдельно работали, заводили нас по комнатам. Я тогда сказал, что готов вернуться, и тем самым заработал больше доверия. И буквально через два дня после этого я сбежал, когда появилась возможность», — рассказывает он.

Хотя списка подобных лагерей в открытом доступе нет, Бернгардт уверен, что они действуют при каждом гарнизоне по всей территории России.

«То есть вот там, где я был и от людей, с которыми я общался, я слышал про Анапу, про Геленджик, про большой сборный пункт в Краснодаре. Маленькие сборные пункты это 30-40 человек, большие краевые — до 200. Людей оттуда каждый день забирают на фронт, и каждый день привозят новых, поэтому это число поддерживается, эта текучка на фронте», — говорит Бернгардт.

Он считает, что сборные пункты для СОЧ — не импровизация командиров на местах; скорее всего, эти учреждения уже включены в структуру Минобороны. Во всяком случае, офицеры в них занимают вполне официальные должности.

«Когда я писал рапорт, находясь в таком пункте, на восстановление просроченного паспорта, я прям в шапке рапорта писал — командиру сборного пункта СОЧ», — объясняет дезертир.

Палочная система — друг дезертира

В России работает неформальное адвокатское объединение, которое специализируется на юридической помощи военнослужащим. Большинство участников — бывшие военные следователи и прокуроры. Глава этой группы[10]

говорит «Медиазоне», что один из самых популярных запросов сейчас — добиться срока по статье о дезертирстве или самовольном оставлении части. Но работать по таким делам непросто, признает защитник — довести дело до приговора и «отбить клиента» от возвращения на передовую получается в двух случаях из десяти.

«По УК и УПК, действительно, если человек дезертировал, и дело в отношении него было возбуждено, либо следователю стало известно о преступлении, конечно, он должен его направить в суд. Но на практике получается так, что командование таких военнослужащих даже при расследованном уголовном деле просто забирает на передовую и следователь приостанавливает дело в связи с участием обвиняемого в СВО. Приостанавливаются следственные действия, и военнослужащего спокойненько увозят», — объясняет он.

По словам адвоката, условие успеха — заинтересованность следственного отдела.

«Военные следователи работают так же, как и обычные — у них тоже есть статистика дел, направленных в суд. И в этой ситуации мы можем найти общий язык со следователем — то есть дезертир приходит к нам, мы заключаем соглашение и заявляемся к нормальному следователю, о котором мы знаем, что ему нужны уголовные дела. Причем география огромная, поскольку расследуют дело там, где начинается задержание и заканчивается дезертирство — то есть убежать он мог из ЛНР на Сахалин, и расследовать его будет следователь на Сахалине», — рассказывает юрист.

«Поэтому мы находим следственные отделы, которым очень требуются статистические показатели для отчетности, большое количество уголовных дел — а им не хватает, — продолжает он. — Ну например, всякие ракетные войска стратегического назначения, где никто преступления не совершает. Мы заявляемся в этот следственный отдел и говорим: вот самоволка, вот явка с повинной — расследуйте дело. И если ему не хватает дел, то он расследует, и он сможет отстоять, чтобы человека не забрали на передовую. А если дел у него полно, то ему это неинтересно, конечно. Тогда дезертира забирают, следователь приостанавливает дело, ждет трупирования военнослужащего и спокойно потом это дело прекращает».

При этом, по словам адвоката, если дело все же доходит до суда, сбежавшие с «СВО» солдаты получают по-настоящему большие сроки. Пока

«рекорд» в практике его организации — 3 года и 10 месяцев общего режима за год отсутствия на службе и 4 года колонии-поселения за полтора года; эти приговоры он рассматривает как «практически оправдание». Но вернуть дезертира на фронт, признает защитник, могут даже во время судебного процесса, как это было с одним из его клиентов в Екатеринбурге.

«Без желания человека его забрали на передовую, дело приостановили. Мы писали жалобу, чтобы суд вызвал его повесткой, но суд ответил, что это невозможно, поскольку он выполняет специальные задачи, а дело прекращено. И такое бывает», — рассказывает юрист.

Яма — штурм — яма. Случай Александра Кондратунца

Но даже наличие адвоката не дает дезертирам гарантии от возвращения на фронт. 41-летний житель Энгельса Александр Кондратунец заключил контракт в августе 2024 года и оказался в одном из штурмовых отрядов 6-го гвардейского танкового полка. В декабре ему дали день увольнения. Кондратунец поехал в Донецк, а на обратном пути попался сотрудникам военной полиции — им показалось, что солдат пьян.

Его месяц продержали в бетонированной яме, пока командир не отправил его на некую «специальную боевую задачу»[11], которую Кондратунец, по его словам, с успехом выполнил. После этого командир обвинил его в том, что он подговаривал сослуживцев отказаться выполнять приказ, Кондтратунца снова

избили и бросили в яму еще на месяц. После ямы он попал на новое задание, где получил обморожение обеих ног, контузию и осколочное ранение в ногу. Лечиться ему приходилось самому.

Спустя еще несколько месяцев Кондратунец пьяным попался на глаза командиру с позывным «Три икса» — майору Алексею Полякову. Он сломал солдату нос и посадил его в подвал. Несколько месяцев Кондратунца избивали, а у его родных вымогали деньги. В конце концов солдата стали снова отправлять на боевые задачи: он их безропотно выполнял, получал день увольнения, напивался, снова попадал в подвал — и так по кругу.

Гражданская жена Кодратунца Юлия Киселева связалась с саратовским правозащитником Борисом Ушаковым, который согласился приехать и сопровождать мужчину в ближайший военно-следственный отдел, если тот решится дезертировать и написать явку с повинной.

6 сентября 2025 года во время штурма населенного пункта Дачное[12] в Днепропетровской области

Кондтратунец понял, что у него почти не осталось шансов выжить, согласился на предложение Ушакова и бежал. Передвигался он в основном пешком и за 24 дня добрался сначала до Донецка, а потом до военной комендатуры в Геническе, где с помощью Ушакова написал явку с повинной.

Но вместо СИЗО Кондтатунца отправили в помещение для задержанных при комендатуре. Первым человеком, который допросил его спустя месяц, был не следователь, а дознаватель

комендатуры по дисциплинарной практике. Кондратунец подробно рассказал обо всех злоупотреблениях в части, но никакой реакции не последовало. Позже оказалось, что летом 121-й военно-следственный отдел уже проводил проверку по многочисленным жалобам на майора Полякова и его подчиненных, но дело было приостановлено по ходатайству командира части подполковника Асылбека Утепова.

У Кондтратунца отобрали телефон и стали возить его из одной ямы в другую. Ушаков настойчиво добивался ответа от военно-следственного отдела и прокуратуры, выкладывая свои заявления в чатах для военных и их родственников, но получал лишь отписки. 30 декабря 2025 года его самого отправили в СИЗО по делу об оскорблении и угрозах участковому-[13].

Родственники Кондратунца по-прежнему пытаются привлечь внимание к судьбе солдата. По их сведениям, он по-прежнему находится в части, на командиров которой жаловался дознавателю; ему умышленно отказывают в медицинской помощи и не отпускают в госпиталь, несмотря на множественные осколочные ранения, гепатит, контузии и кишечное кровотечение.

Остаться уголовником, но живым

И создатель объединения военных адвокатов, и руководитель проекта «Твердый знак» Владимир Бернгардт соглашаются: добиться рассмотрения

дела о самоволке или дезертирстве в суде сейчас практически невозможно.

«В штурмах не хватает людей, поэтому они кидают туда всех — у нас в некоторых подразделениях, в батальонах, личный состав уже по 10 раз поменялся, а батальон, это, грубо говоря, 400 человек. То есть четыре тысячи человек прогоняют за, допустим, год-полтора-два — и все. Там практически несменяемым остается командование, конечно, и то не все. Бывает, что и офицеры погибают», — рассуждает Бернгардт.

«Сейчас у всех мотивация — не оказаться на передовой, — добавляет адвокат. — Даже поисковые отряды СОЧ, которые существуют в каждой части — группы розыска — это такие же контрактники и мобилизованные, которые занимаются поиском дезертиров, лишь бы самим не оказаться на передовой. Поэтому они такие энтузиасты, очень заряженные и мотивированные».

Защитник обращает внимание, что согласно до сих пор действующему указу Путина, во время «частичной» мобилизации есть только три основания для расторжения контракта с Минобороны — возраст, болезнь и лишение свободы.

«Многие идут на нарушение Уголовного кодекса, чтобы гарантированно уволиться. Пока что реальный срок — это все еще стопроцентное увольнение. У нас даже был случай, когда судья был готов оправдать за СОЧ, но он намекнул клиенту — вы понимаете, что мы вас сейчас оправдаем, вы станете невиновным, но останетесь военнослужащим, вас встретит военная

полиция и сопроводит на передовую. Поэтому пришлось искать компромиссы и соглашаться на минимальный, но реальный срок. Вот так сейчас выглядят оправдательные приговоры», — говорит он.

Младшего лейтенанта Путятова с марта допросили один раз. Он продолжает ждать новой встречи со следователем и надеяться на суд и тюрьму.

«Я очень много думал об этом. Мне очень тяжело далось это решение. Но из всех вариантов которые я перебирал — остаться, пусть и уголовником, но живым — это единственное решение в моей ситуации», — говорит он.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Статья 338 УК.

2. Статья 337 УК.

3. Согласно указу Путина о мобилизации, у военнослужащих осталось только три основания для увольнения: возраст, болезнь и судимость.

4. В/ч 95375.

5. От поселка Тоцкое-2 до города примерно 230 километров.

6. «Медиазона» видела скриншоты переписки.

7. В период мобилизации предусматривает до 15 лет лишения свободы.

8. Сложная операция на сердце, проводится при тяжелой ишемической болезни и риске инфаркта.

9. Сотрудники военной полиции (ВП).

10. Анонимность собеседника «Медиазоны» сохранена по его просьбе.

11. «Медиазона» не знает, в чем именно заключалась задача. Эта история приводится по жалобам и заявлениям Кондратунца в разные инстанции.

12. Минобороны официально отчиталось о взятии Дачного двумя месяцами раньше — в июле 2025 года.

13. Статья 319 и часть 1 статьи 318 УК.